

Трибуна молодого журналиста

№9(71)
декабрь
2006

Приложение к газете Московской консерватории «Российский музыкант»

СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА!

«МОСКВА — СТОЛИЦА АЛЬТОВОГО МИРА»

Эти слова Юрия Башмета справедливы во всех отношениях. Именно в Москве альт окончательно стал сольным инструментом наравне со скрипкой и виолончелью благодаря школе В.Борисовского, из которой выросли мастера альтового исполнительства — Ф.Дружинин и его великий ученик Ю.Башмет. Здесь же, в Москве, созданы такие эпохальные сочинения для этого инструмента и этих исполнителей, как Соната Д.Шостаковича, концерты А.Чайковского, С.Губайдулиной и А.Шнитке. Завершившийся 1 декабря 2006 года в Москве V Международный конкурс альтистов Юрия Башмета в очередной раз подтвердил правоту высказывания маэстро.

Уровень конкурса, по оценкам жюри и публики, был в этом году необычайно высок. Настолько высок, что приходилось «отрывать от сердца» хороших музыкантов при отборе на следующий тур, и каждый этап породил неистовые споры между членами жюри, в число которых, помимо председателя — Ю.Башмета и ответственного секретаря — Р.Балашова, вошли прославленный виолончелист В.Берлинский, ректор консерватории Т.Алиханов, мастер музыкальных инструментов А.Кочергин, директор Международного конкурса альтистов им. Л.Тертиса Дж.Бетел, представители музыкального мира других европейских стран. Заметим, что в жюри было мало альтистов, и даже не все его члены были музыкантами — например, приглашенная артистка театра и кино Т.Друбич. Такой выбор состава, на наш взгляд, способствовал объективной оценке художественной стороны исполнения.

Программа конкурса была большой (4 тура) и охватывала весь альтовый репертуар — от Баха и Моцарта до Шнитке и

Пендеревского. Особое внимание (выражающееся в дополнительных призах) было уделено ансамблевому исполнительству и интерпретации русской музы-

женными. Однако и здесь есть одно «но», общее для всех музыкальных конкурсов.

Конечно, прекрасно, когда несколько лауреатов престиж-

ки XX века: сонат Д.Шостаковича, Ф.Дружинина, А.Головина. В этом конкурсе также была почтена светлая память Олега Кагана, чье имя носил приз за лучшее исполнение Концертной симфонии Моцарта.

Первая премия была по достоинству присуждена Нильсу Моенкемейеру (Германия), поразившему всех интерпретацией концерта Шнитке. Думаю, публике надолго запомнится редкий пример такого глубокого понимания русской музыки зарубежным музыкантом и такого поистине страшного воплощения трагедии Концерта! Вторую премию разделили давно конструирующие российские альтисты Александр Акимов (награжденный также за лучшее исполнение Моцарта) и Андрей Усов; третью — американец Дэвид Аарон Карпентер и россиянка Наталья Аленцифна.

Подвергать сомнению справедливость конкурсных итогов стало почти традицией... В этом конкурсе борьба явно была честной и награды — вполне заслу-

женными конкурсов, давно выступающих с различными оркестрами, приезжают в Москву и исполняют программу привычно уверенно, блестяще и убедительно. Неудивительно, что они триумфально делят первые места и получают заслуженные ордены. Но не стоит упускать из виду и другие открытия конкурса. Например, момент, когда после этих «звезд» на сцену выходит вчерашний студент, ни разу (!) прежде не выступавший с оркестром, выходит после 15-минутной репетиции накануне финала — и играет сложнейший Концерт Бартока на высочайшем музыкальном уровне, ведя за собой оркестр, прозвучивая зал и полностью раскрывая все задуманное! Это ли не чудо, это ли не истинная победа?

Речь идет о выступлении молодого альтиста Сергея Полтавского. Необычна уже его четвертая премия — в то время как условия конкурса предполагали только три. Необходимость учредить эту премию, а также изобретенные «на ходу» специальные призы от В.Берлинского и Т.Друбич для этого музыканта вызваны именно противоречием между конкурсом как «спортом» и тончайшей материей музыки. Для абсолютной победы Сергею не хватило разве что конкурсного блеска, какой появляется от привычки к сцене. Художественная же сторона его игры, как и техническая, были безупречны, а главное, что отличает его от большинства, — душевная чистота и искренность музыкальной речи, отсутствие какого-либо «компромисса» с публикой. Особенно ясно это слышалось в произведениях Баха и Моцарта, где над придуманными (у многих) контрастами и внешней яркостью фразировки

преобладали культура звука, безупречный вкус и благоговение перед красотой — в каждом штрихе, каждой интонации. Отметим также пьесы Шумана и Сонату Брамса, в которой альтист смог воплотить непередаваемое брамсовское качество «Innerlichkeit» — «с этим понятием связаны нежность, глубина душевной жизни, отсутствие суетности, благоговейное отношение к природе, бесхитростная честность мысли и совести» (Т.Манин) — всё самое прекрасное в немецкой романтической музыке.

Кстати, ведь именно «человеческий» тембр альты как нельзя более подходит для передачи этих качеств. И как радостно увидеть в альте именно такого — прекрасного и высокодуховного — романтического героя, а не трагически-надломленного, как в «Гарольде» Берлиоза или Концерте Шнитке!

В целом конкурс стал захватывающе интересным событием

и показал перспективы развития и без того высокого российского альтового искусства. Хочется пожелать всем участникам чаще радовать нас концертами в России и, поддерживая технический уровень, не терять бесценной юношеской искренности музыкального чувства. Остается только горячо поблагодарить маэстро Башмета, других организаторов конкурса и всех его участников за эту прекрасную неделю!

Виктория
Губайдулина,
студентка IV курса

На снимках:
Нильс Моенкемейер;
Сергей Полтавский.
Фото
Ольги Спиридоновой

СВОЕ СЛЫШАНИЕ

Залитый светом многочисленных люстр Колонный зал, многочисленная публика, говорящая чуть ли не на всех европейских языках, и оркестр на сцене, играющий шедевры мировой классики, повинувшись скупым и отточенным движениям рук своего дирижера. Академическая атмосфера в лучшем смысле этого словосочетания...

Каждому музыканту известно, что наиболее трудной задачей является исполнение самых известных сочинений. Ведь пропорционально известности возрастает ответственность за каждую ноту, прозвучавшую со сце-

ны. Музыкант, включающий в свой репертуар такие сочинения, как «Героическая» Бетховена и симфония «Из Нового Света» Дворжака, обязательно должен решить для себя: будет ли он следовать уже сложившейся исполнительской традиции или попытается привнести в трактовку свое слышание? Преодолеть стереотип, не изменяя при этом себе и авторскому тексту, — задача, которая по силам далеко не каждому. Лорину Маазелю удалось с ней справиться. Традиционное прочтение партитур Бетховена и Дворжака послужило прочной базой для его собственных нахо-

док. Все отклонения от привычных темпов не вызвали внутреннего протеста, а скорее заинтересовывали, ибо находились вполне в стиле исполняемых сочинений. Удачно найденное органичное сочетание традиционного и «своего» поддерживало интерес к звучащему со сцены на протяжении всего вечера.

Единственное, что слегка разочаровало, — скерцо «Героической». В этой части хотелось, быть может, большей упругости, большей четкости метрической пульсации. Игры. Симфония же Дворжака, исполненная во втором отделении, прозвучала уди-

вительно свежо и тепло. Думается, что многие, хорошо знакомые с сочинением, услышали в нем немало нового и словно еще раз познакомились с этой замечательной музыкой.

...Интересно, почему почти все по-настоящему разыгрываются к «бисовым» номерам? Наверное, потому, что к концу второго отделения энергетика зала

начинает поддерживать музыкантов. В этом можно было лишний раз убедиться во время исполнения «под занавес» одного из «Венгерских танцев» Брамса и антракта к третьему акту «Лоэнгрин». Достойное завершение программы!

Браво, маэстро!

Анна Юркова,
студентка IV курса

ПРОГУЛКИ В КНИЖНЫХ ЛЕСАХ НА ОДНОМ ДЫХАНИИ

Современный ученый — какой он? Кто-то скажет: прекрасный специалист в своей области. Не только — отвечу я. Достаточно зайти в любой книжный магазин, чтобы в этом убедиться. К примеру, работы одного и того же автора вы с легкостью обнаружите как минимум в четырех отделах: современной зарубежной литературы, эстетики, филологии и литературоведения. Разве может один человек работать в столь разных жанрах и при этом оставаться прекрасным специалистом? Может! Если этот человек — *Умберто Эко*.

На данный момент наш современник итальянец Умберто Эко (родился в 1932 году) известен во всем мире широчайшему кругу читателей прежде всего своими романами — «Имя розы» (1980), «Маятник Фуко» (1988), «Остров накануне» (1995), «Баудолино» (2000) — великолепно написанными, читающимися «на одном дыхании». Но не многим известно, что одновременно с этим Эко является почетным профессором 42-х (!) университетов мира, доктором философских наук, академиком Академии мировой культуры в Париже, Академии наук Болоньи, Международной академии философии искусств, главой ассоциации Джеймса

Джойса и президентом Международной ассоциации семиотики и когнитивных исследований! Не правда ли, список, внушающий по меньшей мере уважение?

Его книга «Эволюция средневековой эстетики» постоянно появляется в списках

литературы маститых исследователей-медиевистов, а ведь она была написана еще в 1958 году, когда автору было всего 26 лет! Литературоведы не могут обойтись без его «Заметок на полях «Имени розы»», а также «6 прогулок в литературных лесах». При этом ни первая, ни вторая работа первоначально для такого использования не предназначались: «Заметки на полях...» — это своего рода дополнение и разъяснение одноименного

романа, а «Прогулки...» — лекции, прочитанные в 1994 году студентам Гарвардского университета. Студентам, кстати, адресована и другая работа Эко — «Как написать дипломную работу» — простое учебное пособие, помогающее шаг за шагом приблизиться к созданию первого серьезного исследования. А что говорить о его философской работе «Введение в семиологию» или искусствоведческой, появившейся совсем недавно «Истории красоты»?!

Действительно, трудно себе представить более широкий охват знаний! И все работы, по любой, даже самой серьезной проблеме, написаны простым (или относительно простым — насколько позволяет жанр) языком, доступным как начинающему, так и опытному ученому. В этом Эко просто не знает себе равных.

«Я хотел, чтоб читатель развлекался. Как минимум столько же, сколько развлекался я» — вот он, настоящий лейтмотив творчества Эко. «Развлекаясь» сам, открывая для себя все новую и новую информацию, он развлекает и читателя, одновременно допуская его в глубины науки. Это ли не настоящая эволюция современного ученого?!

Карина Зыбина, студентка IV курса

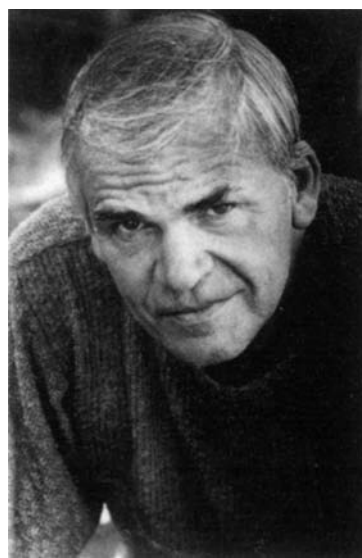
СТРАТЕГИЯ МЫСЛИ И СЛОВА

Ныне во всех областях науки и искусства господствует принцип узкой специализации. Этот процесс самоограничения ради бесконечной точности является одним из «фирменных знаков» нашего времени. Оценивать его можно по-разному, и все же факт очевиден — в погоне за точностью люди перестали понимать друг друга. И еще — пропало ощущение свободы мысли, той немного безумной свободы, которая не боится ошибиться. Сейчас каждый ученый (и музыковед, в частности) намертво прикован к неисчислимым томам литературы, которые ему надо прочитать и усвоить; груз знаний, рутина бесконечных ссылок во многом иссушили и ограничили его мысль.

На этом фоне невероятно свежо и рельефно выступает независимая мысль, не боящаяся «общих тем» и широты кругозора, не чурающаяся вольных перемещений по разным областям знания — филологии, литературе, музыке. Возможность мыслить *так* и в наше время демонстрируют оригинальные книги *Милана Кундера*, особенно его эссе «Нарушенные завещания».

Милан Кундера известен прежде всего как один из лучших современных писателей-романистов, однако по образованию он музыковед. Эта двойственность накладывает свой отпечаток на всю его художественную деятельность — его ро-

маны очень *музыкальны*, они не только пропитаны музыкой, но и строятся зачастую по музыкальным законам! О своей «Книге смеха и забвения» Кундера пишет, что, оформляя ее композицию, он придерживался двух «стратегий»: «стратегии Шопена» (принцип малой композиции) и «бетховенской

стратегии вариаций» (общность тем, прямая и непрерывная связь). С другой стороны, в его музыковедческих разговорах сказывается великолепный романист. Ему присуща удивительная стройность, художественная красота мысли. Кундера непревзойденный мастер слова — о чем бы он ни говорил. Это всегда захватывает.

В «Нарушенных завещаниях» множество тем, персона-

жей, но есть центральные фигуры, на которых Кундера останавливается несколько раз. Это композиторы — Яначек, Стравинский, Бетховен; писатели — Хемингуэй, Кафка, Томас Манн, Музиль, Гомбрович, Рабле; даже персонажи книг — например, Панург. Все они невероятным образом связаны в единой линии повествования. В книге Кундера герои будто бы оживают и начинают говорить друг с другом и друг о друге. Все связывается воедино несколькими центральными темами — игры и серьезности, глубины и поверхностности, рационального и чувственного. И еще это темы эмиграции, Родины, непонятости художника и нарушенных творческих завещаний. Причем все это — в одной небольшой книге!

Главное, что вырисовывается поверх всего этого многообразия, что складывается из любого, даже самого мелкого замечания, — *образ искусства*. Вся книга — это очередная попытка определить его сущность, его задачи и границы. По сути, это настоящая Философия Искусства.

Мысли Кундера можно оппорить. Но каждый человек, причастный к художественному миру, должен задуматься, что для него важнее: точность и «правильность» или ясность и красота...

Михаил Лопатин, студент IV курса

Сольный концерт — не такое уж частое событие в жизни наших студентов. Да и не каждый студент-пианист чувствует себя готовым к столь серьезному испытанию. Поэтому появление таких афиш всегда вызывает большой интерес.

В мае уходящего года в концертном зале ЦМШ состоялся сольный концерт студента консерватории, пианиста *Павла Комашенко*. Программа поражала своей грандиозностью. В ней значились пять этюдов Шопена и четыре сонаты: Моцарта, Рахманинова, Листа и Скрябина. Все выбранные произведения — высшего исполнительского мастерства; они сочетают в себе колоссальные технические трудности и необходимость большой музыкантской работы. Особая задача — охватить такую объемную программу целиком, непрерывно держать внимание зала и выстроить свое выступление на постоянном *crescendo*. Для всего этого необходимы большая смелость, творческая воля и незаурядное мастерство.

Со своей задачей Павел справился. Это яркий, очень артистичный пианист. Он обладает мощной технической подготовкой, разнообразным туше, позволяющим добиваться тонких динамических градаций (это качество показалось особенно ценным в исполнении ля-минорной Сонаты Моцарта). Музыканту свойствен горячий темперамент, он по-настоящему живет произведением, которое исполняет, его внешний вид и поведение абсолютно орга-

ничны. О таких музыкантах говорят, что они созданы для сцены.

С огромной увлеченностью, на одном дыхании была исполнена си-бемоль-минорная Соната Рахманинова, хотя иногда захлестывающая волна чувств и, одновременно, технической виртуозности приводила к крайностям, мешая восприятию произведения. Порой очень быстрые темпы, обилие форте и педали производили впечатление крупного штриха, за которым исчезали более тонкие уровни фактуры. Особенно это было заметно в романтических этюдах Шопена. Но монументальная си-минорная Соната Листа оставила большое впечатление благодаря глубине и продуманности прочтения, четко выстроенной исполнительской драматургии.

Концерт действительно шел по нарастающей. Его кульминацией стала Соната Листа, за которой последовала сияющая Четвертая соната Скрябина, а в заключение были исполнены еще две пьесы на бис — «Элегия» Рахманинова и Двадцать четвертый этюд Шопена.

Павла Комашенко, несомненно, можно отнести к талантливым, многообещающим молодым пианистам. И пусть впереди бесконечный путь совершенствования, он — уже сложившийся музыкант, которого интересно слушать и новых выступлений которого мы будем ждать с нетерпением.

Татьяна Федотова, студентка IV курса

МУКИ ТВОРЧЕСТВА

Творческая личность, творческая профессия... А что, собственно, стоит за этим словом — творчество? Я думаю, потребность выразить себя в чем-то, причем неважно, в чем. Пусть это будут неумелые стихи, появившиеся вдруг, откуда, в 2 часа ночи, когда мысли никак не хотят покидать уставшую голову, пусть это будут рисунки, больше похожие на детские каракули, которые все равно никто не оценит, кроме холодильника, на котором они висят, пусть это будут лишь несколько звуков, взятые в тишине пустой комнаты на стареньком, расстроенном пианино...

Потребность в творчестве есть абсолютно у каждого. Это связано с тем, что человеку непременно нужно ощущать себя единственным и неповторимым. Доказывать миру и себе самому, что ты живешь, существуешь. И твоё творчество — это разговор с этим миром, продукт вашего с ним общения. Творчество — это попытка человеческой души понять саму себя. Не всегда то, что ее переполняет, можно выразить словами. Чаше как раз наобо-

рот. И тогда на помощь приходят звуки, краски, движения. И вот тебе уже легче. Ты выпустил на волю часть себя самого, и внутри появилось новое свободное пространство. Ты счастлив, что можешь дать миру, который каждый день принимает тебя с улыбкой, что-то взамен, чем-то с ним поделиться.

Разве важно, отчего человек счастлив? Нет. Оно просто есть, счастье. И все. То же самое и с творчеством. Неважно, что конкретно ты делаешь, если делаешь это с удовольствием и любовью, вкладывая часть своей души. Ты занимаешься творчеством, творишь, и это главное.

Многие люди говорят, что у них нет способностей к творчеству. Я думаю, они неправы. Любой человек умеет что-то, чего не умеют другие, думает единственно в своем роде, а значит, он *творческий человек*. И открыть в себе ту самую творческую частичку очень просто. Надо только захотеть, поверить в себя и ничего не бояться. Вперед, к творчеству!

Евгения Канакина, студентка IV курса